

Ю.Б. ВОРОНЦОВА

НАРОДНЫЕ КОЛЛЕКТИВНЫЕ
ПРОЗВИЩА И ПРИСЛОВЬЯ

На материале говоров Русского Севера

В журнале «Живая старина» за 1899 г. была опубликована небольшая заметка А.А. Шустикова, посвященная прозвищным наименованиям Кадниковского уезда [1]. Помимо прозвищ, называющих отдельную личность, в заметке были приведены именованные целых коллективов, например: «черкесы — родовое прозвище, данное нескольким семьям за неуступчивый характер» [2. С. 526]. Несмотря на то что система подачи самих наименований и терминология, употребляемая в статье, носят довольно беспорядочный характер, данная публикация является одним из первых свидетельств того интереса, который возник в XIX в. к прозвищному ономастикону. Настоящей статьёй хотелось бы продолжить традицию освещения на страницах «Живой старины» русских народных прозвищных наименований и остановиться на проблеме взаимосвязи, существующей между прозвищами и фольклорными текстами. В центре нашего внимания будут коллективные прозвища — именованные жителей какого-либо населенного пункта или региона, выполняющие характеризующую функцию.

По традиции, сложившейся с конца XIX в., коллективные прозвища, в отличие от других прозвищных разрядов, изучались прежде всего как составляющая фольклорного текста, как феномен, имеющий этнографическую значимость, и оказывались в центре внимания не лингвистов, а этнографов и фольклористов. Эта традиция отражалась и в лексикографических источниках: фиксируя такие прозвища, областные словари XIX в., как правило, приводят анекдотические рассказы о жителях края, былички, предания и другие фольклорные тексты, призванные раскрыть смысл того или иного названия (см., например, *девятью людьми, камзолники* [2. С. 18, 33]).

Д.К. Зеленин рассматривал коллективные прозвища одновременно как явления языка, этнографии и фольклора и отмечал, что они интересны с исторической, психологической и географической точек зрения [3; 4]. Для обозначения этих фактов он пользовался, как правило, термином *народные присловья* или *присловья*.

ЮЛИЯ БОРИСОВНА ВОРОНЦОВА, канд. филол. наук; Уральский гос. университет (Екатеринбург)

вье-прозвище, ср., к примеру, такое толкование: «*Народное присловье* можно определить как прозвище, относящееся не к единичному лицу, а к группе лиц, составляющей собой географическое или этнографическое целое. Так, по крайней мере, понимали этот термин собиратели памятников русского народного творчества Снегирев, Сахаров, Даль и др.» [3. С. 39]. Термин *присловье* может употребляться не только по отношению к прозвищам: сам Д.К. Зеленин относит к присловьям весьма различные номинативные и текстовые факты — дразнилки, прозвища, поговорки, пословицы, краткие анекдоты. В настоящее время, как правило, фольклористы понимают под *присловьями* поговорки и присказки, но иногда значение этого термина расширяется, ср.: «Присловье, во-первых, — это присказка или поговорка; во-вторых, — прозвище, относящееся к группе лиц, представляющих собою местное сообщество или этническую общность» [5. С. 59]. Продуктивно более узкое толкование А.Ф. Журавлева, объединяющего под этим термином «не только номинативные единицы (выступающие в предикативной позиции), но и нарративные тексты, квазидialogические построения (дразнилки, свернутые во фразу анекдоты и другие речевые жанры)» [6. С. 49]. Таким образом, А.Ф. Журавлев считает присловьями предикативные номинации типа *каргапалы — двери полы* (ничего не говоря о собственно прозвищах вроде *тузаны* или *лапотники*). Думается, что такое сужение сферы применения термина *присловье* наиболее приемлемо, поскольку намечает возможности разграничения прозвищ как единиц языка и текстовых образований (подробнее об этом см. ниже).

В настоящее время коллективные прозвища, продолжая оставаться объектом внимания фольклористов и этнографов, все чаще собираются и изучаются лингвистами, рассматривающими их как особый разряд собственных имен. Обширные материалы такого рода (около 1000 наименований) накоплены в картотеке Топонимической экспедиции (далее — ТЭ) Уральского университета, которая более 40 лет занимается сбором ономастики и диалектной лексики на территории Русского Севера (ее участником является и автор настоящей статьи).

В нашем распоряжении имеются весьма разнородные данные, извлеченные из полевых материалов лингвистических экспедиций и письменных фольклорных источников. В полевых условиях информант нацелен на воспроизведение имени, отдельной номинативной единицы, материал же письменных источников представляет собой собрание присловий, анекдотов, из которых необходимо извлечь прозвище. Тесная спаянность такого рода прозвищ с текстом ставит проблему разграничения прозвищ и присловий. Можно предложить следующие критерии такого разграничения (хотя, как при всяком разведении сходных феноменов, в данном случае также не исключена возможность наличия промежуточных вариантов).

1. Присловье, если говорить языком А.А. Потебни, принадлежит к области «поэзии», а не «прозы», оно предпочитает образность, «фигурность» выражения, охотно пользуется двусмысленными оборотами речи. На этом основании нами не выделяются прозвища из тех присловий, которые были зарифмованы: факт наличия рифмы сразу же относит данный языковой материал к явлениям фольклора, например:

Любимые ловцы — даниловцы-невыдавы;

А романовцы — схорони концы [7. С. 573; 8. С. 219];

Олонцы — добры молодцы [9. Т. 1. С. 298];

Новоторы — воры;

И осташи — хороши! [10. Вып. 21. С. 258].

В данных примерах выделение прозвищ из текста вообще невозможно, да здесь и нельзя говорить о факте существования прозвища: перед нами присловье — феномен народного красноречия. Если квалифицировать как прозвище фразу *олонцы — добры молодцы*, то ее невозможно было бы использовать как номинирующую единицу в другой ситуации. Если же попытаться выделить из присловья часть *добры молодцы* и считать это прозвищем, то оно будет нефункционально, так как данное словосочетание не имеет дифференцирующей, выделяющей функции.

Нередко фиксируются весьма обширные рифмованные тексты, включающие характеристики жителей смежных насе-

ных пунктов, ср. фрагмент такого рода:

Шишки-бутышки — то горянки,
Оборванные подолаы — то котоване,
А в запечь срать — то купавщины,
А в баню ходить — то булыгинские,
А с возу украсть — то струницынские [ТЭ].

Данный текст, зафиксированный одной из последних экспедиций Уральского университета в Верхояжском р-не Вологодской обл., очевидно, представляет собой отрывок из корильной песни, в которой перечисляются жители окрестных деревень, и им приписываются, скорее всего, неправдоподобные (анекдотические) свойства. Считать хотя бы часть такого текста прозвищем нет никаких оснований.

2. Нужно также отметить, что прозвища реализуют устойчивые модели антропонимической номинации, и некоторые составные характеристики, содержащиеся в материале, следует считать текстовыми единицами (а не фактами системы языка) на основании несоответствия этим моделям. Например, сибиряки — *золотое дно* [7. С. 580]. Идиома *золотое дно* характеризует, скорее, саму Сибирь, так как соответствует моделям топонимической номинации (ср. распространенность в русской топонимии названий *Золотое Дно*, обозначающих ценные в хозяйственном отношении объекты). Для прозвищного номинирования такая модель нехарактерна.

3. Хотя присловье представляет собой текстовое образование, а прозвище — факт языка, они очень тесно связаны друг с другом (такая прочная связь с текстом не характерна, пожалуй, ни для одного другого разряда ономастики). Поэтому мы относим к прозвищам наименования, содержащие характеристику жителей определенной территории по какому-либо основанию, даже в том случае, если они могут быть введены в состав фольклорного текста:

петряши-ОЛаХИ, синие (белые) рубахи — жители д. Петряево (Сокольский р-н Вологодской обл.) [ТЭ]; прозвище *олахи* отражает гастрономические пристрастия населения (*олаха* 'оладья'), вписываясь в ряд других подобных прозвищ, распространенных на территории Русского Севера, — *ботвинники, говядина, гороховики, кисели, кукурузники, пироги, пустоварники, репники, сметанники, солодяги, творожники, толоконники, чаевые, чесночники, шаньги* и т.п.;

лопшари-ЗУБАРИ — жители д. Лопшеньга (Приморский р-н Архангельской обл.) [ТЭ]; это прозвище, вероятно, представляет собой результат переос-

мысления топонима, обозначающего место жительства носителей прозвища, на основании чего предсказуемо появление мотива — «ели лапшу»;

мезени-ЗЕЛЕЗЕНИ — жители г. Мезень (Мезенский р-н Архангельской обл.) [ТЭ]; в данном наименовании наблюдается соответствие «птичьей» модели (ср., например, *кукушки, совы, тетеры, вороны* и т.д.), характерной, в частности, для территории Мезенского р-на;

НАВАЖЬИ ГОЛОВЫ — прозвище поморов (Приморский р-н Архангельской обл.) [ТЭ]. Прозвище зафиксировано в составе присловья: *Онежаны — ДРУЖКИ, каргаполы — МЕШКИ, поморы — НАВАЖЬИ ГОЛОВЫ* [ТЭ]. В данном случае прозвище имеет самостоятельную значимость и может быть рассмотрено как факт языка на том основании, что оно выделяется из текста и может бытовать отдельно, например: *НАВАЖЬИ ГОЛОВЫ рыбы много ловили* [ТЭ]. Вероятно, и два других прозвища, зафиксированных в присловье, могут быть рассмотрены вне текста.

Наименования вроде *наважьи головы* или *мезени-зелезени* должны быть признаны периферийными явлениями корпуса коллективных прозвищ. Материал такого рода в большинстве случаев соответствует мотивационным моделям прозвищной номинации, но может не быть зафиксирован в самостоятельном номинативном употреблении. Ср. еще примеры:

Мезени — железени, Никола — колокола,

Лампожня — песцы, Заозерье — кресцы (Мезенский р-н Архангельской обл.) [ТЭ];

Лопшари — зубари, яренжата — пестери,

Дураково — Ревяково, Золотица — Еретица,

Пушлахта — Наважска (Приморский р-н Архангельской обл.) [ТЭ];

Патуга — зелена, Кеслома — ворона,

Юрама — воровка, Тиглява — коловка (Лешуконский р-н Архангельской обл.) [ТЭ].

Фиксируются также случаи, когда текст является лишь удобной для перечисления (а возможно, и для запоминания прозвищ) формой, при этом рифма может быть не выражена; сами же наименования полностью соответствуют модели, наиболее характерной для образования коллективных прозвищ (форма мн. ч. с окончанием *-и/-ы*), например:

Верхнокона — дураки, Хаврогора — воры, Черкошино — ввали (Приморский р-н Архангельской обл.) [ТЭ];

Островяне — водохлебы, Городецкие — костогрызы, На Осанове — вороны, На Погосте — галицы, Верхнесурье — водохлебы, В Засурье — зайцы, В Каскомени — мусенники, В Городецке — поганцыры (Пинежский р-н Архангельской обл., Сура) [11. С. 54];

Устюжские — водохлебы, Сухонские — лапотники, Архангельцы — трескоеды, Горьковчане — богомазовы да христопродавцы,

Тамбовские — волки (Великоустюгский р-н Вологодской обл.) [ТЭ].

В этих случаях можно наверняка предполагать, что фиксируемые в тексте характеристики являются коллективными прозвищами.

Рассматривая проблему связей и взаимодействия коллективных прозвищ с фольклорным текстом, следует отметить, что особенно ярко спаянность присловий и прозвищ проявлена в одном из типов коллективных прозвищ — ситуативных прозвищах. Имена такого рода отражают какую-либо единичную ситуацию, событие. Контексты, фиксируемые для ситуативных прозвищ, специфичны тем, что они нередко нереальны — вплоть до анекдотичности — и описывают, как правило, единичный случай из жизни номинируемых, одномоментное действие или событие, например:

ВОРОБЬИ — *старик забрался на крышу и говорит: «У-у-у, забрался, как воробей»* (Вилегодский р-н Архангельской обл., д. Торопово) [ТЭ];

ГНИЛОЙ ПАЛТУС — *раз они в магазине купили рыбы, а рыба-то оказалась знилая* (Вельский р-н Архангельской обл., д. Климово) [ТЭ];

ЗАУГОЛЬНИКИ — *как-то раз Петр I приезжал в Архангельск; холмогорские староверы из страха смотрели на государя из-за угла* (Холмогорский р-н Архангельской обл.) [9. Т. 1. С. 297; 7. С. 581; 12. С. 224; 8. С. 551];

КАШНИКИ — *у еркомен была наварена каша, и шардоменская собака прилетела и слопала — их прозвали КАШНИКИ* (Пинежский р-н Архангельской обл.) [11. С. 56];

КРОВЕЛЬЩИКИ — *жена кровельщика приехала в Петербург и звала*

с Зимнего дворца статуя: «Иванович, слезь с крыши: я к тебе приехала» (Архангельская обл.) [9. Т. 1. С. 297].

Такие ситуативные мотивировки, по сути, являются текстами различных фольклорных жанров — небольших преданий, сказок, анекдотов, присловий. Это подтверждается не только нереальностью и фольклорным характером объясняющих прозвища контекстов, но и их многократной повторяемостью. Например:

СоВЫ — съели сову; **КУКуШКИ** — съели кукушку; **ВорОНЫ** — старик вместе с чухаря сварил ворону [ТЭ].

Весьма интересным представляется вопрос о мотивационной первичности/вторичности прозвищ и фольклорных текстов (как правило, такие фольклорные тексты оказываются представленными в ситуативных мотивировках).

По отношению к некоторым коллективным прозвищам с определенной долей уверенности можно говорить о первичности ситуативной мотивировки (модель *присловье (текст) => прозвище (имя)*). Например: **БОГОГОНЫ** — Богот будто переехал за реку, а его прогнали (Сокольский р-н Вологодский обл., д. Коржа) [ТЭ]; **КОШКОДАВЫ** — Дедка задавил троих котов (Приморский р-н Архангельской обл., д. Титово) [ТЭ]. К таким прозвищным наименованиям, имеющим ситуативные мотивировки, сложно подобрать альтернативный «бытийный», «реальный» мотив. Это связано с оформлением прозвища, в форму которого уже непосредственно заложена предикативность, глагольность, обеспечивающая событийное прочтение прозвища (при этом, конечно, невозможно решить, насколько «правдив» событийный мотив). Иногда встречаются целые ряды событийных прозвищ, фиксирующих различные грани одной ситуации, например: **ГРОБОДЁРЫ**, **ЖИДОКОПЫ**, **МЕРТВОКРАДЫ** — Слободжанин будто бы откопал труп еврея, думая, что евреев хоронят с деньгами (Вятская губ., д. Слобода) [4. С. 98]. О возможной мотивировке прозвищ фольклорными текстами говорил Д.К. Зеленин, указывавший, что прозвище «является, так сказать, экстрактом целого анекдота» [3. С. 39]. Например, котелян (жителей Вятской губернии) прозывают **ГОГОЛЯМИ** и **ТУРКАМИ**. Первое из этих прозвищ основано на народном анекдоте о том, как котеляне «некогда молились плывшей по реке Вятке в вешнюю поводь гоголе, то есть лесной карше (кокорее); второе основано на событии времен пос-

ледней турецкой войны, когда жители села Молотникова Котельничского уезда приняли артель рабочих за турок и вышли сражаться с ними» [3. С. 51]. Однако примеры Д.К. Зеленина не позволяют быть уверенными в первичности соответствующих «анекдотов» по отношению к прозвищам.

Есть случаи, когда с большой долей вероятности можно говорить о первичности прозвища по отношению к фольклорному тексту (модель *прозвище (имя) => присловье (текст)*). При этом реальный мотив прозвищной номинации сменяется нереальным, который обрабатывается (чаще обыгрывается в шуточной форме) в фольклорном тексте, причем такие тексты нередко представляют собой легенды этиологического характера. Например, известный анекдот о том, как пошехонцы, вятчане, вологодцы и др. месили в реке толокно, необходимо признать простым развитием прозвища **ТОЛОКОННИКИ** (любители толокна), каковыми являются все северные великорусы [3. С. 52]: *Волгу толокном замесили* [9. Т. 1. С. 298; 12. С. 206; ТЭ]; *Вятчане и вологодцы делают вкусное толокно и любят его* [9. Т. 1. С. 297]; *Вятчане где-то недалеко от г. Котельнича хлебали в р. Вятке толокно. Дело было так: шел зимою по р. Вятке Хлын. И вот вздумал Хлын пообедать. Для этого он тут же во льду, вблизи проруби, выдолбил ножом ямку, наподобие чашки, зачерпнул воды из проруби, всыпал толоконча и, прикусывая ярушником, хлебал толокно. О ту пору ехали мимо мужики, везли толокно. Им тоже захотелось толоконча, но их была целая артель — недолго думая, они высыпали в прорубь целый мешок толокна и попробовали хлебнуть, но хлебать было нечего — толокно пошло ко дну. Тогда они высыпали другой мешок, который тоже пошел ко дну. Один из извозчиков, недолго думая, взявши ложку, нырнул в прорубь. За ним нырнули и остальные мужики* [4. С. 90—91]. В данном случае прозвище имеет реальный «гастрономический» мотив, который, возможно в силу своей прозрачности, не отмечается носителями прозвища; на первое же место выходит рассказ о заведомо нереальных событиях.

Однако в большинстве случаев затруднительно определить, прозвище развернулось в анекдот или, наоборот, анекдот «свернут» до прозвища (*прозвище <=> присловье?*). Ср., например: **КАМЗОЛЬНИКИ** // **КАФТАННИКИ** // (**Вытегоры**)-**ВоРЫ** — жители Вытегорского р-на Вологодской обл. Это прозвище

закреплено и в письменных источниках XIX в., и в картотеке ТЭ; более того, теми и другими источниками фиксируются «легендарные» мотивационные контексты: *Петр I остановился там, у него кафтан украли, он рассердился, воров приказал найти, а воры утром сами пришли, да еще два новых кафтана принесли* [ТЭ]; *В 1711 году Петр I предпринял предложение для осмотра местностей предположенно-го им сообщения рек Вытегры и Ковжи. Возвращаясь в Петербург, он остановился отдохнуть неподалеку от Вытегры. Чувствуя усталость после долгих и трудных переходов, Петр лег отдохнуть и скоро уснул. В это время один крестьянин, как говорят, чтобы сделать памятным для себя пребывание царя, утащил из-под изголовья царский камзол* [13. С. 386]. Предания, отражающие сходные мотивы, мы также находим в книге Н.А. Криничной «Предания Русского Севера»: *Выпросили вытегорцы камзол у царя и пошили себе на шапки. Завидно стало жителям соседным, и стали они говорить, что вы-де камзол украли, и пронеслось это слово в Москву, а из Москвы во все города. И с тех пор стали звать вытегор «камзолниками». Вытегоры-де воры, у Петра Великого камзол украли; Как-то раз приехал в Вытегру царь Петр. Так как время было очень жаркое, летнее, то царь скинул свой камзол и положил его тут же на траве. Пришло время снова приниматься за работу и идти в город; смотрит царь, а камзола его нет. Камзол был не плохой, а вытегорцы — не промах: стянули у царя одежду* [14. С. 187, 198—199].

Наконец, отмечаются ситуации, когда прозвище, разрастаясь до фольклорного текста (например, песни-дразнилки), не взаимодействует с этим текстом на мотивационном уровне, не получает в нем объяснения, а служит своеобразным «внешним» стимулом, порождающим текст, — допустим, задает рифму. Например:

*Матверцы — ЕЛЬЦЫ,
Съели крысу на печи
Вместо луковицы.*

*Ели-ели три недели,
На четверту околели* (Пинежский р-н Архангельской обл.) [11. С. 56].

*Вытегоры — ВоРЫ, ВоРЫ,
Припахали все угоры;
У нас угоры-то круты,
У них кони-то худы* (Вытегорский р-н Вологодской обл.) [ТЭ].

Завершая разговор о «фольклорности» коллективных прозвищ, хотелось бы подчеркнуть, что, как и многие десятилетия назад, неразрывная связь данного разряда ономастики и фольклорных текстов остается бесспорной, но при этом дальнейшее изучение коллективных прозвищ, появление новых записей и материалов, безусловно, откроет интересные перспективы в разработке данной проблематики.

Литература

1. Шустиков А.А. Прозвища крестьян деревень Хмелевской, Бережок тож Кадниковского уезда // ЖС. 1899. Вып. 4. С. 526—528.
2. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении / Сост. Г. Куликовский. СПб., 1898.
3. Зеленин Д.К. Великорусские народные присловья как материал для этнографии // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901—1913 гг. М., 1994. С. 38—58;
4. Зеленин Д.К. Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии (Этнографический и историко-литературный очерк) // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901—1913 гг. М., 1994. С. 59—104.
5. Дранникова Н.В. Присловья-прозвища в севернорусском фольклоре // Русская народная культура и ее этнические истоки. М., 1999. С. 59—69.
6. Журавлев А.Ф. Русская «микротононимия» и этническое самосознание // Этническое и языковое самосознание. М., 1995. С. 49—51.
7. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Минск, 1991.
8. Снегирев И.М. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. Н. Новгород, 1996.
9. Даль В.И. Пословицы русского народа: В 2-х тт. М., 1989.
10. Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965—. Вып. 1—.
11. Калущков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А., Фадеева Л.В., Родионов Е.А. Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье (Семинар «Культурный ландшафт»: первый тематический выпуск докладов). М., 1998.
12. Сахаров И.П. Сказания русского народа. М., 1990.
13. Петров К.М. Присловья в Олонецкой губернии // Вытегра. Краеведческий альманах. Вологда, 1997. Вып. 1. С. 386—387.
14. Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб., 1991.

М.В. ЯСИНСКАЯ

«ВАРВАРА ВАРИТ, ГЕРМАН ГРЕМИТ»

народно-этимологическая интерпретация имен святых

В славянском народном календаре, как известно, многие дни года наряду с «народными» (*Голодная кутья, Ведёмский Иван, Несновица, Русальная неделя* и др.) имеют названия церковного («книжного») происхождения [1. Т. 2. С. 442]. Среди «книжных» названий можно выделить названия праздников (например, *Крещение, Сретение, Успение* и др.) и названия дней по именам святых, память которых приурочена к тому или иному дню (*Варвара, Федор Студит, Прокопий или Васильев день, Видов день*). Часто к имени святого присоединяется эпитет, характеризующий «основные признаки» дня или периода, на который он приходится (*Авдотья плющиха, Родион ледолом, Акулина вздери хвосты* и др.).

В данной статье мы обратимся к проблеме адаптации в языке и народном сознании названий дней по именам святых-покровителей. Христианские имена собственные, давшие названия дням календаря, в силу своего, по большей части, неславянского (греческого, латинского, еврейского и др.) происхождения, относятся к разряду «темных» слов. Непонятные слова требуют осмысления, и носители языка стараются прояснить их внутреннюю форму, сближая их с созвучными словами родного языка, что связано с «неизбывным человеческим стремлением объяснить через рассмотрение языка устройство мира — его структуру и динамику» [2. С. 97]. Таким образом, народная этимология оказывает существенное влияние на формирование представлений о календаре и о святых¹.

Зайствованные имена собственные, адаптируясь в языке, «семантизируются»: вписываются в его семантическую систему, обретают смысл, «обрастают» новыми значениями (коннотациями). При этом имя собственное может видоизменять свой фонетический облик, частично уподобляясь созвучному слову: серб. *Вратоломије* из *Варфоломей* (*врат* 'шея' и *ломать*), *Винохватий* из *Вонифатий* (*вино, хватать*), *Вид* из *Вит* (*видеть*) и т.п., но чаще оно остается неизменным, сближаемые слова не смешиваются, и явление семантической аттрак-

ции мы наблюдаем только в рамках контекста. В большинстве случаев единицей описания является не лексическая пара, подвергшаяся семантической аттракции, а целый текст (вербальный или невербальный), что вообще свойственно явлениям народной этимологии в текстах традиционной культуры [3. С. 318].

Следует оговориться, что, рассуждая о народной этимологии, мы не всегда имеем в виду этимологию как объяснение происхождения слова, попытку сделать прозрачной его внутреннюю форму (как это происходит, например, в топонимических легендах). Понятие «народной этимологии» рассматривается нами шире, как языковая рефлексия, поиск соответствий между различными словами, а также словами и явлениями внеязыковой действительности. При этом в кругу явлений народной этимологии рассматриваются факты фонетико-смысловой контаминации, паронимической аттракции, смешение омонимов и другие языковые процессы, которые лингвисты изучают отдельно [4. С. 6—11], но которые часто выступают в текстах традиционной культуры в сходных функциях.

В данной статье мы используем как русский, так и общеславянский материал, почерпнутый нами из словаря «Славянские древности» [1], что дает возможность рассмотреть поставленную проблему в более полном объеме. В кругу нашего внимания оказываются тексты, связанные с определенными днями календаря: верования, легенды, приметы, запреты, предписания, магия.

На основании созвучия имен святые часто наделяются определенными свойствами и функциями. Например, *Касьян* воспринимается как опасный, недобрый святой (обладающий «дурным глазом»), т.к. его имя ассоциируется с *косой* 'кривой, хромой' (другое объяснение — связь Касьяна с високосным годом: его память празднуется 29 февраля) [1. Т. 2. С. 476]. Пример святого, обладающего положительными свойствами благодаря фонетическому созвучию имени со славянским корнем *бла-* (из праслав. *bolg-), — *Блажей* (3.II) [1. Т. 1. С. 191]. *Игнатий* (20.XII/2.I) в Болгарии считается упрямым; если ему не поклоняться, он будет вредить людям, делать все наперекор (по

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА ЯСИНСКАЯ, аспирант; Ин-т славяноведения РАН (Москва)